

гах XVI века, когда еще свежа была память об этом еретическом движении. Один из списков „Поучения“ Стефана Пермского, включенный в Минеи, составленные по поручению новгородского архиепископа Макария в 1538 году, имеет следующий характерный заголовок: „О новгородских и псковских стригольниках, рекше взявших на ся собою достоинства, оучительства, а не от бога или от болшаго святителя поставленных в оучители“.¹ Этот заголовок свидетельствует о том, что представители православной церкви XVI века основной чертой учения стригольников считали признание ими права учительства за непосвященными в духовный сан и соответственно отрицание духовенства, как особого сословия, являющегося благодаря таинству священства носителем божественной благодати. Все эти данные позволяют утверждать, что стригольники отрицали необходимость духовенства, отрицали духовную иерархию и тем самым выступали против организационных основ феодальной церкви.

Тезис об отрицании духовенства, сформулированный стригольниками еще в первый период существования ереси, в XIV веке, получил дальнейшее развитие в первой половине XV века, когда средоточием ереси стал Псков. Псковские стригольники отрицали не только духовенство, но и монашество. На это указывает митрополит Фотий в своей грамоте против стригольников от 22 июня 1427 г. „Слышу, — пишет Фотий, — тех некоторых, яко отступлены от бога, о своем крестиянстве небрежуще, но и чин великаго божья священства и иночества яко ни во чтоже полагающе, но и умаляюще“.² Тезис об отрицании монашества является исключительно важным, ибо в нем ярко проявилась социальная направленность учения стригольников. Нам представляется вероятным предположение о том, что, отрицая монашество, стригольники отрицали не только самый институт, основанный на идее ухода от земной жизни с целью спасения души, но и его материальную основу — монастырское землевладение. Поскольку земельные владения монастырей составляли значительную часть феодального землевладения, постольку выступление стригольников против монашества объективно наносило удар и по феодальной земельной собственности.

Предметом резкой критики со стороны стригольников являлось также низкое состояние нравственности духовенства, недостойный, несоответствующий высоким христианским идеалам образ жизни духовных лиц. „Сии учителя пьяницы суть, ядят и пьют с пьяницами“,³ — так говорили стригольники о священниках. Но не эти обвинения, бичующие духовенство за пьянство, обжорство, распущенность, представляют для нас интерес. Стригольники, осуждая духовенство за недостойный образ жизни, с особой силой обрушивались против сребролюбия и стяжания имений, которому предавались духовные лица. „Глаголють бо стригольницы о нынешних святителех и о попех: «не достойны де их службы, яко не [не] стяжаша, но имения взимають у хрестьян, подаваемое им приношение за живыя и за мертвыя»“.⁴ Именно в этих высказываниях, направленных против стяжания духовных лиц, вновь проявилась социальная заостренность учения стригольников, ибо логическим выводом из осуждения церковного стяжательства должен был быть вывод об отрицании права церкви на владение имениями.

¹ Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийское собрание, № 1323, л. 449-а.

² РИБ, VI, № 55, стр. 475—476.

³ Там же, № 25, стр. 220.

⁴ Там же.